

СТРУКТУРА АКТА ДВУЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В. В. Сдобников

Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н. А. Добролюбова

Поступила в редакцию 8 ноября 2010 г.

Аннотация: структура акта двуязычной коммуникации, в отличие от структуры акта одноязычной коммуникации, имеет комплексный характер и включает коммуникацию между автором оригинала и получателем оригинала, автором оригинала и переводчиком и переводчиком и получателем перевода. Характер ситуации двуязычной коммуникации отражается в типе соотношения между коммуникативными эффектами, производимыми разноязычными текстами. На основе такого соотношения выделяются разные типы ситуаций двуязычной коммуникации.

Ключевые слова: двуязычная коммуникация, коммуникативная ситуация, коммуникативный эффект, коммуникативная интенция.

Abstract: the structure of bilingual communication is more complex than that of monolingual communication, and comprises communication between the author of a source text and its recipient, the author and the translator and the translator and a recipient of the target text. The peculiar features of a bilingual communication act are reflected in the character of correlation between the communicative effects produced by the source text and the target text. Based on such correlation various types of bilingual communication situations may be specified.

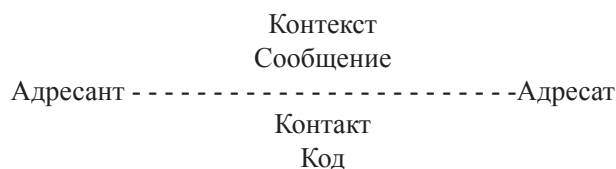
Key words: bilingual communication, communicative situation, communicative effect, communicative intention.

Двуязычная коммуникация – такая коммуникация, участниками которой являются носители разных языков. Коммуникация между ними возможна лишь при наличии посредника-переводчика, таким образом, акт двуязычной коммуникации должен рассматриваться и как акт переводной коммуникации.

В теории перевода, психологии, психолингвистике в качестве синонима термина «коммуникация» часто выступает термин «общение». Между тем иногда высказывается мнение, что данные понятия отнюдь не синонимичны. В частности, В. Е. Болдырев выделяет несколько признаков, отличающих общение от коммуникации [1, с. 62–63]. Для целей нашего исследования разграничение указанных понятий представляется несущественным, а потому в дальнейшем мы будем использовать термин «коммуникация», условно считая его синонимом термина «общение».

Представляется, что особенности акта двуязычной коммуникации наиболее четко и ясно определяются на основе сопоставления со структурой акта одноязычной, условно говоря, «естественной» коммуникации. Вопрос о структуре акта одноязычной коммуникации (акта речевого общения) получил достаточное освещение в трудах по лингвистике, теории речевой коммуникации, теории дискурса. Наиболее известной, практически хрестоматийной является схема акта речевого общения, предложенная Р. Якобсоном. Напомним, что Р. Якобсон в составе

акта речевого общения выделяет следующие компоненты: адресант, адресат, сообщение, контекст, код, контакт, а сама схема принимает следующий вид [2, с. 198]:

Каждому из указанных шести факторов соответствует особая функция языка (референтивная (коммуникативная) функция, определяемая установкой на контекст, эмотивная, сосредоточенная на адресанте, конативная (апеллятивная) функция, определяемая ориентацией на адресата, фатическая функция, определяемая направленностью на контакт, метаязыковая функция, определяемая направленностью на код, поэтическая функция, определяемая направленностью на сообщение, означающая, как пишет Р. Якобсон, «сосредоточение внимания на сообщении ради него самого» [2, с. 202]).

По мнению Е. В. Сидорова, достоинством схемы Р. Якобсона является то, что ученый «впервые в лингвистике предложил учесть при анализе высказывания все относящиеся к нему факторы, а не только систему языка или систему стилей, не только личность и деятельность говорящего, но и личность и деятельность тех, к кому говорящий обращает свое

сообщение» [3, с. 22]. Действительно, включение в круг изучаемых вопросов особенностей личности адресата сообщения и особенностей его деятельности, которая, как представляется, не сводится к простому декодированию сообщения, значительно расширяет возможности определения специфики речевого общения как инструмента взаимодействия субъектов в рамках совместной деятельности.

Вместе с тем представленная схема одноязычной коммуникации обладает определенными ограничениями и недостатками. Обосновывая свой деятельностный подход к изучению речевой коммуникации, Е. В. Сидоров отмечает, что «в яacobсоновской модели коммуникативного акта все же нет эксплицитного... обозначения системности коммуникации со всеми неизбежными следствиями роли адресата...» [3, с. 25], остались не раскрыты закономерные взаимосвязи между компонентами целостности процесса речевой коммуникации. Одной из причин этого, по мнению Е. В. Сидорова, является то, что Р. Яacobсон принял психолингвистически пустое, механистическое представление об отправителе и адресате, которые не осмыслены как деятельные субъекты и в связи с этим не представлены присущей им и осуществляемой ими деятельностью [3, с. 26].

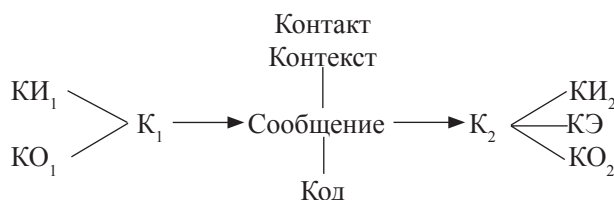
Таким образом, на основе критического анализа схемы Р. Яacobсона можно сделать вывод, что речевая коммуникация характеризуется взаимосвязью деятельностей субъектов коммуникации (адресанта и адресата). Как всякая деятельность коммуникативная деятельность должна иметь определенную цель, определяемую намерениями субъектов, определенную структуру и определенный результат, определяющий успешность неречевой деятельности субъектов*.

Большое значение для определения специфики речевого общения в целом и особенностей акта речевого общения в частности имеют положения, высказанные другими учеными. К таким положениям можно отнести следующие: целью процесса коммуникации является оказание воздействия на собеседника с целью регулирования его поведения (Л. Блумфилд); у говорящего и слушающего не может быть абсолютно одинаковых кодов (Ю. М. Лотман); общение двух взаимодействующих партнеров есть контакт двух сознаний, осуществляемый через определенные средства, пути и среды (Н. Г. Комлев); на процесс формирования (кодирования) и восстановления (декодирования) высказывания оказывают воздействие интенции и «видение» мира отправителя и получателя (Р. Г. Пиотровский). Важное значение для понима-

* «Обычно общение включено в практическое взаимодействие людей (совместный труд, учение, коллективная игра и т.п.), обеспечивает планирование, осуществление и контрольное их деятельности» [4, с. 232].

ния особенностей речевой коммуникации имеет и включение в структуру акта речевого общения коммуникативного намерения, целей говорящего и результата (Дж. Л. Остин и Дж. Р. Сёрль, Т. А. ван Дейк).

Таким образом, используя схему акта речевой коммуникации Р. Яacobсона в качестве основы с необходимыми дополнениями, можно построить следующую схему:

где K_1 – отправитель сообщения (адресант); K_2 – получатель сообщения (адресат); KI_1 – коммуникативная интенция адресанта; KI_2 – коммуникативная интенция адресата; KO_1 – когнитивный опыт адресанта; KO_2 – когнитивный опыт адресата; КЭ – коммуникативный эффект, производимый речевым сообщением.

Все указанные в виде сокращений параметры являются именно теми необходимыми дополнениями, о которых мы говорили выше. Коммуникативная интенция адресанта (KI_1) – это его намерение, побуждающее к вступлению в акт коммуникации, его цель в этом акте, с которой соотносится коммуникативный эффект, производимый на адресата (КЭ). Включение в коммуникативный процесс KI_2 может показаться несколько удивительным, поскольку коммуникация часто рассматривается лишь как процесс передачи информации от адресанта к адресату, что не соответствует действительности. Акт коммуникации есть акт взаимодействия, в котором участники обладают определенной самостоятельностью и выполняют определенные роли. А выполнение роли вряд ли может быть действием, навязанным извне (иначе не получится взаимодействия). Следовательно, интенциональность присуща и речевым действиям адресата. Не случайно Е. В. Сидоров пишет, что «перед вступлением в коммуникативное взаимодействие участники общения должны идентифицировать предстоящую коммуникативную ситуацию и самоидентифицироваться в ней, т.е. уяснить свою роль, социальную позицию, цели, ожидания партнера по коммуникации, его психологическое состояние, возможные установки в общении» [3, с. 67]. Дальнейшее восприятие речевого сообщения адресатом возможно только при наличии у него определенной коммуникативной интенции, основанной на самоидентификации в коммуникативной ситуации.

Представление об участниках коммуникативного процесса как о личностях, осуществляющих определенную деятельность, заставляет нас в качестве одного из необходимых параметров включить в схему когнитивный опыт отправителя сообщения и адресата ($КО_1$ и $КО_2$). Под когнитивным опытом коммуникантов мы понимаем всю совокупность их представлений о мире, включая эмоционально-оценочное отношение к миру. Различия в когнитивном опыте коммуникантов в условиях одноязычной коммуникации определяются их социальной принадлежностью и индивидуальным, личностным опытом и, в свою очередь, определяют те различия между кодами адресанта и адресата, о которых писал Ю. М. Лотман. К коммуникативному опыту коммуникантов, понимаемому в самом широком смысле, следует отнести и языковую компетенцию коммуникантов, т.е. их способность к продуцированию и декодированию речевого сообщения, их знание норм и правил речевого и неречевого поведения.

Включение в схему речевого акта дополнительных параметров, связанных с личностями коммуникантов, позволяет выделить те факторы, которые определяют степень успешности речевого взаимодействия. Речь, прежде всего, может идти о степени сходства когнитивного опыта коммуникантов и об определенной общности, а лучше сказать, взаимной направленности их коммуникативных интенций.

Структура акта двуязычной коммуникации по сравнению с ситуацией одноязычного общения представляется более сложной вследствие появления дополнительных элементов, прежде всего, переводчика («перекодирующего звена» в терминологии О. Каде), выполняющего роль посредника в общении между носителями ИЯ и носителями переводящего языка (ПЯ), и дополнительного кода, в качестве которого выступает ПЯ. В наиболее общем виде структура акта переводческой коммуникации представлена В. Б. Кашкиным [5, с. 76] (рис. 1).

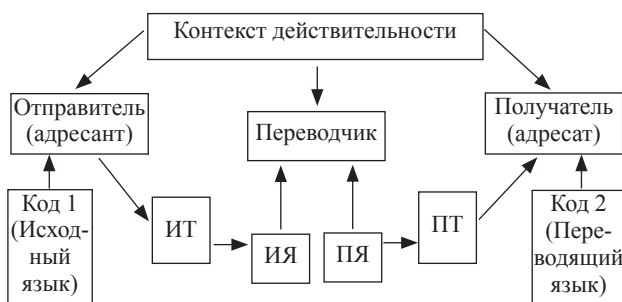

Рис. 1

Как указывает В. Б. Кашкин, при двуязычной коммуникации речевой акт распадается на три взаи-

мосвязанных акта: 1) акт общения с помощью ИЯ (исходный текст/дискурс); 2) акт общения с помощью ПЯ (переведенный текст/дискурс); 3) акт коммуникативного приравнивания текстов/дискурсов на ИЯ и ПЯ. Специфически и исключительно переводческой деятельностью является третий пункт [5, с. 75]. Нет сомнения, что в основе предложенной схемы акта двуязычной коммуникации лежит все та же яacobновская схема речевого акта. Схема В. Б. Кашкина является действительно общей и не включает некоторые внеязыковые элементы, которые способны оказывать и реально оказывают воздействие на ход и результат межъязыковой коммуникации.

В связи с отмеченным большее количество преимуществ имеет схема акта двуязычной коммуникации (процесса перевода), предложенная А. Д. Швейцером на основе модели «динамической эквивалентности» Ю. Найды [6, с. 51] (рис. 2):

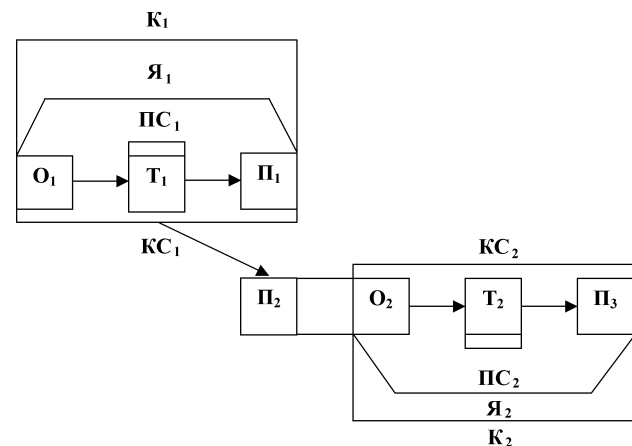

Рис. 2

Как видим, в качестве дополнения к схемам Ю. Найды и В. Б. Кашкина в схеме А. Д. Швейцера выступают такие внеязыковые компоненты, как две культуры ($К_1$ и $К_2$), две предметные ситуации ($ПС_1$ и $ПС_2$) и две коммуникативные ситуации ($КС_1$ и $КС_2$). О роли различий между двумя культурами в процессе перевода говорить не приходится, поскольку эта роль очевидна. Большой интерес представляет разграничение А. Д. Швейцером двух коммуникативных ситуаций: 1) первичная коммуникативная ситуация ($КС_1$), участниками которой являются отправитель исходного текста ($О_1$), получатель этого текста ($П_1$) и другой получатель – переводчик ($П_2$) и 2) вторичная коммуникативная ситуация ($КС_2$), в которой участвуют переводчик в роли отправителя ($О_2$) и иноязычный получатель ($П_3$). В общем виде коммуникативную ситуацию можно определить как систему «взаимодействующих факторов (реальных и воображаемых), побуждающих ее участников к общению и определя-

ющих их речевое поведение» [7, с. 80]. По всей видимости, к этим факторам следует отнести все факторы языкового и внеязыкового характера, представленные в схеме А. Д. Швейцера, включая самих участников коммуникации, в том числе и переводчика.

Важным представляется и разграничение двух предметных ситуаций. Под предметной ситуацией понимается тот фрагмент действительности (реальной или воображаемой), который находит отображение в соответствующем тексте (на ИЯ или ПЯ). Понятно, что между предметной ситуацией, отображаемой в тексте, и коммуникативной ситуацией, в рамках которой этот текст создается, не может быть ничего общего.

Схема В. Б. Кашкина отличается от схемы А. Д. Швейцера и отсутствием в ней такого компонента, как получатель исходного текста. Но это не означает, что наличие такого компонента вообще исключается. Видимо, существование акта коммуникации между автором исходного текста и получателем этого текста, владеющим тем же языком, подразумевается имплицитно. Такой вывод мы можем сделать, исходя из следующего утверждения автора: «Хороший перевод, в этом случае, – коммуникативно эквивалентный перевод, одинаково с ИТ соотносящийся с контекстом действительности, приводящий к *аналогичным* (курсив мой. – В. С.) дискурсивным последствиям» [5, с. 76]. Если речь идет об «аналогичных последствиях», значит проводится сопоставление результатов коммуникации между автором ИТ (исходного текста) и получателем ИТ, с одной стороны, и автором ИТ, либо переводчиком, и получателем ПТ (переводного текста), с другой.

Однако в связи с указанным как раз и возникает принципиальный вопрос: а всегда ли вторичная коммуникативная ситуация представляет собой своего рода дублирование первичной коммуникативной ситуации? И вообще, всегда ли мы можем выделить в структуре акта двуязычной коммуникации две коммуникативные ситуации? До сих пор казалось, что существующие традиционные модели переводческого процесса, в том числе модели Ю. Найды и А. Д. Швейцера, имеют самый общий характер, т.е. относятся ко всем ситуациям межъязыковой (переводческой) коммуникации. Однако анализ *действительных* ситуаций перевода показывает, что это далеко не так: данные модели имеют отношение лишь к одному из видов перевода, а именно к письменному переводу, причем к той его разновидности, когда ИТ текст создается прежде всего для носителей ИЯ.

Вместе с тем мы легко можем представить и иные ситуации, в частности, ситуации устного перевода, которые не будут адекватно отражаться представленными схемами. К числу таких коммуникативных ситуаций можно отнести.

1. Ситуация официальных переговоров. В этом случае создаваемые разноязычными коммуникантами речевые сообщения изначально адресуются носителям другого языка. Адресатов ИТ, говорящих на том же языке, в этой ситуации просто нет, а потому нет смысла и говорить об «аналогичных дискурсивных последствиях».

2. Ситуация лекции, выступления перед иноязычной аудиторией – довольно распространенная ситуация, в которой, допустим, политический лидер одной из стран выступает в университете другой страны или специалист-иностранец читает лекцию своим иноязычным коллегам. Понятно, что здесь мы также имеем лишь одну коммуникативную ситуацию – ситуацию общения между выступающим (лектором) и его иноязычной аудиторией.

3. Ситуация «круглых столов», заседаний органов, состоящих из разноязычных участников. Это также весьма распространенная ситуация общения, в котором могут участвовать, например, члены правления транснациональной корпорации, говорящие на разных языках и представляющие разные страны. К тому же типу ситуаций относятся обсуждения в рамках Генеральной Ассамблеи ООН и т.п., когда озвучиваемый текст изначально предназначен для перевода на несколько языков. Сколько коммуникативных ситуаций мы имеем в этом случае? Точно не две, поскольку оратор не обращается только к тем, кто владеет его языком. Можно было бы подумать, что ситуаций столько же, сколько рабочих языков, но и это предположение неверно, иначе получилось бы, что оратор общается с каждой языковой группой по отдельности. Остается допустить, что здесь имеет место опять же всего одна коммуникативная ситуация – ситуация общения между оратором и его разноязычной аудиторией в целом.

4. Ситуация экскурсии. Во многих случаях, особенно в условиях России, экскурсии для туристов проводят экскурсоводы, не владеющие языком туристической группы, и поэтому они пользуются услугами переводчика. Нет сомнений в том, что и в этом случае исходный текст адресуется непосредственно носителям иного языка.

В области письменного перевода мы также можем обнаружить ситуации, в которых отсутствует получатель ИТ. Имеется в виду перевод различных информационно-пропагандистских материалов, адресованных изначально иноязычной аудитории, перевод информационных проспектов, объявлений и приглашений для иностранной аудитории, т.е. перевод текстов, в типологии А. Нойберга относящихся к четвертому типу [8, с. 197–198].

Понятно, что во всех указанных случаях (а это, возможно, не полный список) не действует предложенное Ю. Найдой понятие динамической эквива-

лентности, «понимаемой как соответствие восприятия текста (T_2) иноязычным получателем восприятию исходного текста (T_1) первичным получателем» (цит. по: [6, с. 51]). Возникает вопрос: если сравнение результатов коммуникации между переводчиком и получателем переводного текста с результатами коммуникации между автором исходного сообщения и получателем этого сообщения невозможно, то что же может служить критерием оценки качества перевода? Представляется, что в этих ситуациях основным критерием оценки должна быть степень соответствия переводного текста коммуникативной интенции отправителя исходного сообщения. С учетом того, что в описанных ситуациях тексты имеют в основном информативный характер и вряд ли предназначены для оказания эмоционального или эстетического воздействия, основной задачей переводчика становится передача содержащейся в оригинале информации.

Подобно тому, как традиционные схемы акта двуязычной коммуникации имеют частный характер, т.е. охватывают лишь часть коммуникативных ситуаций перевода, рассмотренные нами ситуации также имеют частный характер. Однако общая схема акта двуязычной коммуникации должна либо предусматривать все возможные ситуации перевода, либо служить обобщением таких ситуаций. Подобное обобщение вряд ли возможно, поскольку нам пришлось бы отказаться от каких-то существенных элементов коммуникативной ситуации, вообще исключить получателя исходного сообщения и первичную коммуникативную ситуацию. Решением проблемы может быть изображение ситуации коммуникации между отправителем ИТ и его получателем как *чего-то возможного, но не обязательного*. Более того, представляется необходимым в структуре акта двуязычной коммуникации выделять три коммуникативные ситуации, или три коммуникативных акта: 1) ситуацию общения между отправителем ИТ и его получателем ($КС_1$), 2) ситуацию общения между отправителем ИТ и переводчиком ($КС_2$), 3) ситуацию общения между переводчиком и получателем ПТ ($КС_3$). Заметим, что именно первая ситуация является возможной, но не обязательной.

С учетом сказанного схема акта двуязычной коммуникации может выглядеть следующим образом (рис. 3).

Данная схема может служить иллюстрацией положения о структурно сложном (по сравнению с одноязычной коммуникацией) характере двуязычной коммуникации, потенциально включающей три звена: $K_1 - K_2$ ($КС_1$), $K_1 - П$ ($КС_2$), $П - K_3$ ($КС_3$).

Мы считаем необходимым выделить в схеме акта двуязычной коммуникации такой параметр, как коммуникативный эффект (КЭ). Строго говоря, коммуникативный эффект не может рассматриваться в ка-

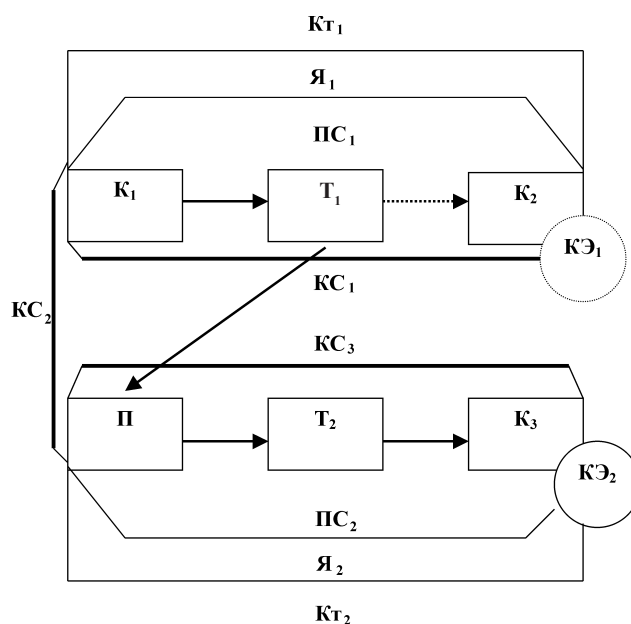

Рис. 3

честве одного из элементов структуры коммуникации. Это явление не материальное, а скорее психическое. Это результат воздействия со стороны текстов (в нашем случае текста оригинала и текста перевода) на соответствующих коммуникантов. Собственно, это воздействие и является той целью, ради достижения которой осуществляется деятельность общения. Учет этого параметра важен для понимания специфики той или иной ситуации двуязычной коммуникации. Мы можем представить три типа ситуаций, определяемых с точки зрения характера коммуникативных эффектов, производимых текстами в условиях двуязычной коммуникации.

1. Ситуация, предполагающая более или менее полное совпадение коммуникативных эффектов, производимых ИТ и ПТ (в нашей схеме – T_1 и T_2). Собственно, это ситуация, соответствующая традиционному представлению о характере переводческой деятельности. Однако повторим, что данное представление учитывает лишь часть ситуаций двуязычной коммуникации. В реальности подобного рода ситуации возникают в условиях научно-технического, официально-делового и прочих видов специального перевода (т.е. перевода текстов первого типа в классификации А. Нойберта).

2. Ситуация двуязычной коммуникации, в которой совпадение коммуникативных эффектов, производимых ИТ и ПТ, не предполагается или невозможно. Частными разновидностями такой ситуации могут быть: а) ситуация перевода, осуществляемого в расчете на аудиторию, не только отличную от аудитории исходного языка с точки зрения культурных особенностей, но и находящуюся от нее на значительной

временной дистанции. Примером может служить письменный перевод политических выступлений, трактатов и т.п., созданных задолго до момента осуществления перевода. Очевидно, что перевод на русский язык Фултоновской речи У. Черчилля, выполненный в начале XXI в., окажет на получателя совсем иное воздействие, нежели воздействие оригинала на своих получателей. Заметим, что факторы культурной дистанции и временной дистанции в данном случае одинаково существенны; б) ситуация перевода, осуществляемого с иной целью, нежели та, с которой создавался оригинал. Подобное характерно, например, для публицистического (общественно-политического) перевода. Скажем, письменный перевод выступлений кандидатов на пост президента США на русский язык может осуществляться с целью показать особенности политической жизни США и уж никак не призван оказать то же воздействие на русскоязычных читателей, какие соответствующие выступления оказывают на американскую аудиторию. Именно такой вид переводческой деятельности О. В. Петрова предлагает называть переадресацией [9]; в) ситуация так называемого «терциарного перевода», т.е. перевода в интересах третьих лиц [10], например, перевод радиоперехвата переговоров противника. В этом случае вообще вряд ли можно говорить даже об условной коммуникации между автором оригинала и получателем перевода, в то время как в предыдущих ситуациях такая коммуникация все же осуществляется, хотя и опосредованно.

3. Ситуация двуязычной коммуникации, в которой отсутствует адресат ИТ, владеющий ИЯ. Примеры подобных ситуаций были приведены выше. Понятно, что коммуникативный эффект, производимый ПТ, в данном случае сравнить не с чем (отсутствует коммуникация между автором оригинала и получателем оригинала, т.е. между K_1 и K_2).

Представленная нами схема акта двуязычной коммуникации не претендует на то, чтобы считаться окончательной и безупречной, и, несомненно, нуж-

дается в уточнениях. Однако она уже сейчас может служить вполне достаточной отправной точкой для рассмотрения таких вопросов, как типология коммуникативных (переводческих) ситуаций, цель перевода, различные типы перевода (выделяемые в зависимости от типа коммуникативной ситуации), возможные стратегии перевода и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Болдырев В. Е.* Перевод как частный случай деятельности общения / В. Е. Болдырев // Пробл. инояз. образов. : науч.-метод. сборник. – Липецк : ЛФ НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2005. – Вып. 2.
2. *Якобсон Р.* Лингвистика и поэтика / Р. Якобсон // Структурализм : «за» и «против» : сб. статей. – М. : Прогресс, 1975.
3. *Сидоров Е. В.* Общая теория речевой коммуникации : учеб. пособие / Е. В. Сидоров. – М. : Изд-во РГСУ, 2010.
4. *Психологический словарь* / под ред. В. П. Зинченко, Б. Г. Мещерякова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Педагогика-Пресс, 1996.
5. *Кашкин В. Б.* Основы теории коммуникации : краткий курс / В. Б. Кашкин. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : АСТ : Восток-Запад, 2007.
6. *Швейцер А. Д.* Теория перевода : статус, проблемы, аспекты / А. Д. Швейцер. – М. : Наука, 1988.
7. *Нелюбин Л. Л.* Толковый переводоведческий словарь / Л. Л. Нелюбин. – 3-е изд., перераб. – М. : Флинта : Наука, 2003.
8. *Нойберт А.* Прагматические аспекты перевода / А. Нойберт // Вопр. теор. перев. в заруб. лингвистике : сб. статей. – М. : Междунар. отношения, 1978.
9. *Петрова О. В.* Прагматическая адаптация и переадресация текста при переводе / О. В. Петрова // Пробл. перев. и переводовед. : сб. науч. трудов. Серия : Язык. Культура. Коммуникация. – Н. Новгород : НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2010. Вып. 13.
10. *Цвиллинг М. Я.* О некоторых модификациях коммуникативного подхода к понятию перевода / М. Я. Цвиллинг // О переводе и переводчиках : сб. науч. статей. – М. : Восточная книга, 2009.

Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н. А. Добролюбова

Сдобников В. В., доцент кафедры теории и практики английского языка и перевода

E-mail: sdobnik@lunn.ru

Тел.: 8 (831) 436-38-09

Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N. A. Dobrolubov

Sdobnikov V. V., Associate Professor, Department of Theory and Practice of English Language and Translation

E-mail: sdobnik@lunn.ru

Tel.: 8 (831) 436-38-09